

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Дается анализ существующих определений понятия «криминалистическая технология» в контексте его соотношения с понятием «криминалистическая тактика».

Ключевые слова: социальная технология; правовая технология; криминалистическая технология; криминалистическая тактика.

Одним из характерных признаков современной криминалистики является вовлечение в научный оборот категории «технология».

Можно говорить об общетеоретических и специально-юридических предпосылках оперирования данным понятием. Первые связаны с развитием в настоящий момент нового направления в общей теории права, получившего название «правовая технология». Она определяется как система принципов, методов и процедур конструирования правовых институтов и отдельных норм права в соответствии с конкретными целями субъекта на основе научного анализа конкретной социальной и правовой ситуации [1. С. 8]. Вот как, например, определяет юридическую технологию автор многочисленных учебников по теории государства и права В.Н. Карташов: «Это основанная на определенных принципах, прогнозах и планах (стратегия) система мыслительных и внешне актуализированных действий и операций компетентных физических и должностных лиц (органов), связанная с изданием (толкованием, реализацией, систематизацией и т.п.) юридических решений (актов), в ходе которой оптимально используются необходимые ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, организационные и т.п.), общесоциальные, технические и специально-юридические средства (техника), приемы, способы, методы и правила (тактика), процессуальные формы (стадии, производства и режимы) и соответствующие типы, виды и подвиды контроля за деятельностью субъектов и участников юридической практики» [2. С. 46].

Таким образом, юридическая технология представлена в виде своеобразного «производственного процесса» подготовки и издания нормативных правовых актов, в котором действительно имеются заранее определенные операции и правила стандартного характера. В качестве примера можно назвать некоторые из них, получившие освещение в литературе: «...3.11. Сначала формулируются принципы и предписания, имеющие общий характер, а затем конкретизирующие их предписания... 3.14. Как правило, сначала формулируются регулятивные предписания (разрешающие, управомочивающие, обязывающие или запрещающие определенное поведение, а затем — охранительные предписания, содержащие санкции, закрепляющие способы защиты нарушенных прав и др.)... 3.18. Статьи могут подразделяться на абзацы, именуемые частями и имеющие порядковые номера. Части статей могут подразделяться на пункты и подпункты» [3. С. 267].

О технологии говорят и авторы, исследующие вопросы правоприменительной деятельности в арбитражном судопроизводстве, рассматривая арбитражную технологию выбора и анализа нормы права, в которую включаются поиск подлежащей применению по делу

нормы права, проверка правильности текста нормативно-правового акта, содержащего указанную норму, проверка действия этой нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц, уяснение содержания данной нормы, поиск нормы при наличии правового пробела и т.п. [4. С. 13–16]. В специальной литературе юридическая технология также рассматривается как средство реализации правовой политики [5. С. 119–124].

Специально-юридические предпосылки связаны с доктринальными уголовно-процессуальными положениями «технологического подхода», которые, в силу тесной связи уголовного процесса и криминалистики, получили собственное освещение в криминалистической науке. Рассмотрение уголовного процесса как социальной технологии возникло в связи с переносом акцента с установления материальной истины на установление истины формальной (юридической) как цели уголовного судопроизводства. В свое время Е.Б. Мизулина, руководитель специальной комиссии по подготовке проекта УПК РФ, на вопрос о том, что представляет собой уголовный процесс как социальная технология, пояснила, что на него можно ответить, лишь определив тот результат, который нежелателен в уголовном судопроизводстве. «Важна не цель», — сказала она — «а то, как не допустить получения нежелательного результата. Поэтому бесплодны споры об истине как цели уголовного процесса» [6. С. 146]. «Уголовный процесс», — отмечала ранее Е.Б. Мизулина, — «существует только в действительности уголовно-процессуального права и представляет собой одну из разновидностей социальных технологий — технологий правосудия, то есть совокупность приемов и способов производства правосудия» [7. С. 22]. Раскрывая содержание понятия уголовного процесса как социальной технологии, указанный автор подчеркивала, что в той сфере, которая именуется уголовным процессом, можно и нужно говорить об истинности способа уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата. И в этом смысле уголовно-процессуальный закон должен быть ориентирован на истинность не конечного результата (или не только и не столько на него), но и способа её практического осуществления следователем (судьей), который сам по себе обеспечивает организацию их мышления по определенному принципу (презумпции невиновности) [7. С. 99].

Понимание уголовного процесса как социальной технологии повлекло определенную критику со стороны ученых-процессуалистов, поскольку существует опасение, что при таком подходе основной задачей органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, станет соблюдение «правил игры», но не достижение её результатов [8. С. 43–52].

Учитывая тесную связь криминалистики и уголовного процесса, небезынтересным для криминалистов

представляется вопрос о соотношении технологических и законодательных положений. В доступной нам литературе в качестве скорее постановочного тезиса его решение удалось найти лишь у В.А. Образцова. Так, говоря о дидактической направленности учебного курса криминалистики, он замечает, что главная задача состоит в том, чтобы научить студентов «криминалистически мыслить и действовать, заложить в их умы знания из области *технологий реализации положений уголовного и уголовно-процессуального законов* (выделено мною. – А.К.) при производстве отдельных следственных действий, тактических и методических комплексов действий, при осуществлении поисково-познавательного производства в целом» [9. С. 17]. Анализ приведенных выше высказываний В.А. Образцова позволяет прийти к выводу о том, что технология познания в уголовном судопроизводстве понимается им как сложное образование, в котором криминалистическая тактика занимает определенное место как его элемент; другими элементами можно считать законодательные «технологические» положения и технологические положения, которые не относятся ни к собственно тактическим, ни к собственно законодательным положениям. Разумеется, такой вывод может в определенной мере не соответствовать разрабатываемой В.А. Образцовым концепции, касающейся технологии познания в уголовном судопроизводстве. К сожалению, более точно определить позицию указанного ученого весьма непросто, поскольку в соответствующей части работы, названной им «Технология, средства, основные направления познания в уголовном судопроизводстве», раскрытие понятия «технология» отсутствует. Отмечается лишь, что применительно к практической деятельности речь идет как об идеальных средствах, так и «о людях, их возможностях, материальных, технических, технологических, информационных системах» [10. С. 72].

Поддерживая предложение В.А. Образцова определять предмет криминалистики через категорию «технология» [11. С. 21] и проводя в этой связи параллели соответственно между технологией и криминалистической методикой, а также технологией и тактикой, Р.С. Белкин замечает, что в известном смысле криминалистику можно рассматривать как своеобразную технологию процесса расследования. Такое понимание криминалистики Р.С. Белкиным, как представляется, есть не более чем прием, направленный на поиск обобщающей характеристики, призванной оттенить ту или иную сторону криминалистической деятельности применительно к предмету очередной дискуссии. Ранее, как известно, данный автор, ведя спор с А.Г. Филипповым в связи с выделением последним такого раздела криминалистики, как организация расследования, писал, что «в том или ином смысле вся криминастика – это организация» [12. С. 74]. Что же касается параллели между технологией и тактикой, то, как пишет Р.С. Белкин, здесь все фактически кончается только сходством целей – достижением эффективного результата; это связано с необходимостью более точного представления о сущности родового понятия тактики: противоборство, преодоление сопротивления [12. С. 84–85]. Исходя из данного постулата, Р.С. Белкин в дальнейшем замечает, что в условиях расследования о

тактике в полном смысле можно говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователю противодействия. С этой точки зрения, продолжает он, правомерно говорить о тактике допроса, но сомнительно – о тактике осмотра, правомерно – о тактике обыска, но сомнительно – о тактике получения образцов для сравнительного исследования [12. С. 84–85].

Нельзя не заметить, что одна из частей гл. 35 учебника под ред. Р.С. Белкина, посвященная рассмотрению вопросов тактики и технологии обыска и выемки, носит название «технология обыска». В ее содержание преимущественно включены положения, показывающие варианты противодействия со стороны обыскиваемых лиц, а именно: отвлекающие следователя разговоры, отталкивание его от двери, окна и т.п., истерические выкрики, оскорбления, обвинения и т.д. [13. С. 590–592].

Вполне резонно в этой связи будет задаться вопросом: почему в учебном издании под редакцией названного ученого в гл. 39 «Тактика предъявления для опознания» раскрываются положения о тактике (тактических приемах) опознания трупа, вещей, животных, лиц по фотографиям и т.д., а не о технологии, как это следовало бы ожидать, поскольку ни о каком противодействии здесь не может быть и речи? Несомненно, такого же критического уточнения требует и позиция А.А. Топоркова, который оперирует терминами «тактика и технология» применительно к раскрытию положений обыска и опознания, но исключает использование термина «технология», когда ведет речь о следственном эксперименте, хотя ни о каком противодействии здесь говорить не приходится [14. С. 471–493].

В отличие от Р.С. Белкина, В.А. Образцов видит соотношение между криминалистической тактикой и криминалистической технологией в форме включения тактики в технологию. Общие тактические модели, отмечает он, являются составными частями более широких криминалистических систем – технологических моделей определенных категорий отдельных действий субъектов поисково-познавательной деятельности [15. С. 344]. Такая точка зрения вытекает из понимания В.А. Образцовым процесса познания в уголовном судопроизводстве как технологического процесса в силу включенности в него большого числа различных по своей природе средств (идеи, рекомендации, приемы, экспертные методики, кинологи и служебно-розыскные собаки, а также разнообразные орудия труда, средства производств и контроля, созданные специалистами других областей науки и практики) [16. С. 68–80].

Однако такой подход не мешает В.А. Образцову подчеркивать, если так можно сказать, наибольшую «технологичность» одних следственных действий, а также наибольшую «тактичность» других следственных действий. Так, в своей работе, написанной в соавторстве и носящей название «Следственные действия: психология, тактика, технология», о технологии речь идет тогда, когда рассматривается деятельность следователя при производстве осмотра места происшествия. Технологические начала осмотра места происшествия рассматриваются в виде технологической модели следственного осмотра как динамически развивающейся

системы, элементами которой служат такие последовательно реализуемые решения и действия, как построение, анализ, оценка модели сложившейся ситуации; принятие решения о производстве следственного осмотра; определение цели, задач, построение плана предстоящего следственного действия; разработка и реализация программы организационного, технического, иного обеспечения и оперативно-розыскного сопровождения планируемого осмотра; вступление в допредметное информационное взаимодействие с объектами осмотра, но до начала самого производства осмотра; реализация намеченного плана в ходе предметного информационного взаимодействия субъекта и объекта осмотра; заключительный этап деятельности по месту нахождения объекта осмотра (подведение итогов, оформление необходимых документов и т.д.) [17. С. 24–25].

Характеризуя содержание такого процессуального действия, как получение образцов для сравнительного исследования, автор оперирует термином «специальные правила получения» указанных объектов [17. С. 202]. Напротив, при раскрытии положений, раскрывающих алгоритм допроса, способы воздействия на допрашиваемое лицо именуется тактическими приемами [17. С. 108–123].

Очевидно, что такое видение В.А. Образцовым уголовного процесса подчеркивает особую важность криминалистических средств и приемов, направленных на обнаружение и исследование информации, имеющей значение для уголовного дела. Однако нельзя забывать о том, что высказывание положений, претендующих на роль парадигмы, предполагает одновременно существование рассуждений о соотношении предлагаемого способа постановки и решения научных проблем с состоявшимися положениями. Причем такого рода рассуждения должны иметь содержательное, аналитическое начало, затрагивающее конкретные, в нашем случае – криминалистические – категории.

Как представляется, предложение рассматривать криминалистику в целом, в том числе криминалистическую тактику как некую технологию, вызывает несколько вопросов, на которые сторонники «технологического» видения данной науки не дают ответа.

1. Прежде всего, идет ли речь об ограничении предмета криминалистической тактики либо о переименовании ряда тактических положений в тактико-технологические или просто технологические, при условии оставления их в рамках криминалистической тактики? Альтернативность этих вопросов предопределена наименованием, например, соответствующего раздела в учебнике под ред. Р.С. Белкина 2004 г., а именно: «Криминалистическая тактика и технология». К слову сказать, в содержании этого объемного раздела о технологии речь идет в трех местах: при освещении вопросов обыска, где речь идет о противодействии со стороны обыскиваемого, при изложении положений об отборе образцов для сравнительного исследования (в числе технологических приемов отбора образцов почерка фигурируют такие приемы, которые по сути направлены на преодоление противодействия со стороны реципиента, например выполнение очередной подписи на отдельном, а не на одном и том же листе бумаги,

чтобы предыдущая подпись не являлась образцом для последующей) [13. С. 673–674] и технологии прослушивания и записи телефонных переговоров. О последнем виде технологии можно говорить условно, поскольку не всеми авторами разделяется мнение об отнесении прослушивания и записи телефонных переговоров к разряду следственных действий [18. С. 63].

2. В основу разграничения тактики и технологии кладется признак противодействия: там, где его нет, речь, по мнению сторонников нового подхода, следует вести о технологии. Напротив, в тех следственных действиях, например обыске и допросе, где есть (подразумевается) противодействие, мы имеем дело с тактикой (*тактикой в полном смысле слова*). Однако возникает необходимость каждый раз делать оговорку, о каком виде технологии идет речь: технологии, связанной с криминалистической тактикой, либо технологии, лежащей в рамках криминалистической техники. Дело в том, что можно встретить работы, в которых отмечается, что в современной дактилоскопии в целях обнаружения и выявления следов рук следует различать технику, тактику, технологию, а кроме того – и методы обнаружения названных следов [19. С. 165].

Очевидно, специальной оговорки потребуют и те случаи допроса потерпевшего и свидетеля, в которых нет противодействия, а есть лишь неполнота изложения, вызванная забыванием обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Однако безотносительно к дискуссии о правильности определения предмета криминалистики через концепт «технология» следует отметить очевидную спорность деления следственных действий на две группы, одну из которых образуют следственные действия «с противодействием», а другую – следственные действия без такового.

Приступая к рассмотрению положений, изложенных в главе учебника по криминалистике под ред. Р.С. Белкина и названной «Концептуальные положения криминалистической тактики и технологии», следовало бы ожидать, что приемы подготовки и фиксации хода и результатов следственного действия получают наименование «технологические приемы», поскольку противодействие на подготовительной стадии, где уясняются и формулируются задачи процессуальной деятельности, решаются вопросы, связанные с моментом его проведения и кругом участников, использованием технико-криминалистических средств, а также при фиксации хода и результатов следственного действия, отсутствует; однако такие приемы называются тактическими [13. С. 470]. При этом в практике нередки случаи, когда следователь имеет дело с проявлением противодействия (например, инсценировкой иной объективной стороны деяния, чем фактической), производя осмотр места происшествия либо с противодействием преступника, оказавшегося в числе понятых при производстве этого же следственного действия и стремящегося уничтожить следы своего пребывания на месте преступления. Вполне возможны случаи оказания противодействия следователю лицом, у которого отбираются сравнительные образцы почерка и другие образцы. Если говорить о тактике в узком смысле слова, то точнее будет различать тактико-криминалистические средства,

т.е. такие средства, которые предназначены для непосредственного исследования материальных и идеальных объектов путем воздействия на них. И в этом смысле выделение Р.С. Белкиным и В.А. Образцовым, равно как и другими авторами, так называемого технологического аспекта следственного действия, говорит о назревшей необходимости обособить многочисленные приемы подготовки, проведения следственного действия и процессуального закрепления его результатов в отдельные группы, в силу их неодинакового значения в поисково-познавательном процессе.

3. Немаловажным обстоятельством для оценки новой концепции является то, что Р.С. Белкин не определяет объект технологического правила, объект технологического воздействия. Можно лишь косвенно судить о признаках такого объекта, исходя из рассуждений Р.С. Белкина о том, что технология – это наиболее целесообразный и эффективный способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности, когда исполнителю не оказывается сопротивление [12. С. 85]. Следуя логике данного определения, им (объектом) может быть как поведение определенных лиц, так и материальная обстановка. Если в отношении последней можно сделать допущение в силу характера самого объекта, то в отношении поведения как объекта технологического воздействия сторонникам рассматриваемого подхода нужно будет создать развернутую концепцию. И одной из непростых задач здесь будет поиск критериев противодействующего, нейтрального и «взаимосотрудничающего» поведения. Естественно, другой немаловажной задачей будет являться разграничение тех технологических и тактических правил, которые заключены в уголовно-процессуальном законе, поскольку, как известно, Р.С. Белкин является сторонником включения отдельных процессуальных норм в число тактических приемов. Кроме того, настоятельной необходимостью будет поиск критериев этичности технологических и тактических приемов: тот факт, что из всех приемов воздействия сторонники данной точки зрения выделяют так называемые технологические, не означает, что они реализуются вне рамок уголовного процесса. А данный процесс, как известно, имеет нравственные основы, которые нельзя не учитывать, раскрывая вопросы познавательной деятельности следователя и иных участников уголовного судопроизводства.

4. Говоря о сущности и структуре тактической комбинации, Р.С. Белкин отмечает, что ею может быть лишь совокупность неразрывно связанных тактических приемов или следственных действий; данное положение является исходным при определении названного тактико-криминалистического средства, и его никто в настоящий момент не оспаривает. В контексте рассуждений о правомерности различия «тактического» и «технологического» следует отметить, что сторонник такого различия Р.С. Белкин ничего не пишет о том, должны ли включаться в тактическую комбинацию лишь следственные действия, которые априори связаны с преодолением противодействия, или её должны образовывать еще и так называемые «технологические» следственные действия, например осмотр места происшествия, освидетельствование. Естественно, за рамками анализа остается и вопрос о том, как называть

совокупность подчиненных общей цели и неразрывно связанных следственных действий, часть из которых будет относиться к тактике, а другая – к технологии [20. С. 202–243].

Недостаточная аргументированность тезиса о необходимости введения в язык криминалистика термина «технология» проявляется у многих авторов. Так, например, А.М. Ишин при доказывании необходимости существования в криминалистической науке данного понятия пишет, что «деятельность следователя в уголовном процессе должна вычлениваться из объективной реальности не как таковой, например в своей структуре, а технологически» [21. С. 227]. Доказывание выше-названного тезиса с помощью отказа от рассмотрения деятельности следователя как объективной реальности делает аргументацию крайне непонятной.

Кроме того, авторы, признающие за понятием «технология» большое будущее в криминалистике, оперируют положением о том, что технология – это наиболее *целесообразный* и эффективный (что, впрочем, одно и то же) способ осуществления неких трудовых операций в должной последовательности. В доказательство особой значимости для криминалистической теории и практики нового понятия приводятся положения прежде всего технологических наук, содержащих правила организации производства, технологического процесса, опосредуемого техническими нормами. Так, например, А.М. Ишин ссылается на технологический постулат о том, что технология представляет собой прикладное знание, предназначенное для использования его без переработки, как прямое указание; в силу этого технологическое знание предполагает его повторение [21. С. 228]. Данные суждения справедливы для действий, носящих *технизированный* характер (избирательные компании, производство, зрелищные мероприятия и т.п.), причем для некоторых из них, например, производственных процессов, они имеют характер императива, что получает свое закрепление в ГОСТах и СНИПах.

Как справедливо пишут авторы, исследующие вопросы технологии в управленческой деятельности, технология представляет собой описанную с помощью некоторой знаковой системы последовательность действий, применение которой к исходному материалу позволяет получить заданный продукт; при этом технология преимущественно описывает действия с материальными объектами, совершаемые для получения материального же продукта или энергии. Соблюдение технологии предполагает наличие исходного материала (сырья, точных данных), соответствующего установленным стандартам, и стандартизированных средств деятельности [22. С. 55]. Технология противостоит мышлению, анализирующему, проектирующему, программирующему те или иные действия. Если технология задана – нельзя думать, нельзя изменять исходный материал, ставить цели, улучшать средства, совершенствовать методы, иначе качество материала не гарантируется [22. С. 56]. Все сказанное применительно к производственной деятельности, как отмечается, остается справедливым и для управленческой деятельности.

Таким образом, технология, которая не обеспечена всей необходимой и достоверной информацией, не мо-

жет гарантировать качества результата; технология действует в ситуациях, соответствующих стандартам, и не может действовать в условиях непредсказуемости. В силу сказанного сфера применимости управленческих технологий оказывается очень ограниченной [22. С. 60]. Примером технологии, имеющей значение для выдвижения предположения о совершении определенным лицом противоправных действий, является банковская технология – упорядоченная совокупность функционально и информационно взаимосвязанных действий, работ и процедур, реализуемых техническими и человеко-машинными системами [23. С. 127].

Любая наука, в том числе и криминалистика, предполагает непрерывную работу исследователей по совершенствованию соответствующего понятийного аппарата. Однако главным при этом является установление характера связей между предложенным понятием и теми, которые являются устоявшимися в той или иной сфере знаний. В конечном счете речь идет о поиске точного места, которое занимает явление, обозначаемое новым термином, в ряду иных явлений (объектов), изучаемых какой-либо наукой, в нашем случае – криминалистикой. Появление нового для отечественной криминалистики понятия – *технология* знаменует начало такого поиска, который нельзя назвать легким, а результат такого поиска трудно предсказать. Связано это с тем, что и новый, и имеющиеся термины, как правило, являются многосмысловыми. Отсюда возникает исследовательский «искус» раскрыть в большей или

меньшей мере каждый из возможных смыслов. Так, например, Н.П. Яблоков в одной из своих работ через понятие «технология» определяет предмет криминалистики, следовательно, и такую ее часть, как криминалистическая тактика.

Затем, рассуждая о криминалистической практике, ведет речь об использовании технико-криминалистического и методико-технологического правового арсенала, после чего выделяет *технологии тактического использования* доказательственных и иных юридически и криминалистически значимых фактов и, наконец, оперирует двумя такими понятиями, как «*тактически выверенные действия*» и «*такико-технологические подходы*». Завершая свою работу, Н.П. Яблоков пишет о необходимости использования *тактико-технического арсенала* криминалистики [24. С. 10–15].

Очевидно, что тактическая деятельность носит ситуационный и творческий характер, призвана учитывать выявленные следователем предпосылки применения того или иного тактического приема и не может быть жестко регламентированной, поскольку в таком случае она неизбежно принимает характер властного веления, присущего уголовно-процессуальной норме, т.е. сама становится правовой нормой.

Таким образом, есть все основания сказать, что в настоящий момент в отечественной криминалистике суждения о технологии расследования не выходят за рамки постановочных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черненко А.К. Правовая технология как проблема общей теории государства и права // Современные проблемы юридической науки: Сб. ст. / Под ред. А.К. Черненко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
2. Карташов В.Н. Юридические технологии – перспективные направления исследований в современной науке // Вестник Ярославского государственного университета. 2008. № 6.
3. Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
4. Колесник И.В. Арбитражная технология выбора и анализа нормы права, подлежащей применению по делу // Юрист-Правовед. 2007. № 4.
5. Мионов А.Н. Юридическая технология как средство реализации правовой политики // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 1(10).
6. Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107).
7. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: Дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.
8. Деряшев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ. Омск: Омский юридический институт, 2003.
9. Образцов В.А. Предисловие ко второму изданию // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 2002.
10. Криминалистика: Учебник / Под ред. В.А. Образцова. М., 2002.
11. Введение в криминалистику // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 2002.
12. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
13. Криминалистика: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
14. Гопорков А.А. Подготовка и производство обыска и выемки // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 2002.
15. Образцов В.А. Понятие и назначение криминалистической тактики // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 2002.
16. Образцов В.А. Технология, средства, основные направления процесса познания в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.А. Образцова. М.: Юрист, 2002.
17. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М., 2007.
18. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001.
19. Самищев С.С. К вопросу о систематизации в дактилоскопии // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: Труды Академии управления. М.: Труды Академии управления МВД России, 2003.
20. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997.
21. Ишин А.М. Некоторые подходы использования понятия «технология» в криминалистике // Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конф., 27–28 октября 2008 г. М.: МАКС ПРЕСС, 2008.
22. Цлаф В.М. Технологии в управленческой деятельности // Вестник СамГУ. 2007. № 3 (53).
23. Шмонин А.В. Банковские технологии как объект криминалистических исследований // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: Труды Академии управления. М.: Академия управления МВД России, 2003.
24. Яблоков Н.П. Криминалистика в структуре правоприменительной деятельности // Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конф., 27–28 октября 2008 г. М.: МАКС ПРЕСС, 2008.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2010 г.